

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В КНИГЕ АНАТОЛИЯ КОРОЛЁВА «GENIUS LOCI»

А. П. Торопцев

*Литературный институт имени А.М. Горького, Тверской бульвар, д. 25, 123104,
Москва, Россия, ruslit@bsu.by*

В форме обращения к автору рассматривается книга Анатолия Королёва «Genius loci» являющаяся своего рода «парковой, пейзажной историей» Российского государства. Передается производимое повестью впечатление, выявляются ее основные интенции, характеризуются пространственные и временные координаты. Проводятся параллели с предшественниками.

Ключевые слова: парк; парковое искусство; пейзаж; история; философия истории.

IMAGE OF TIME AND SPACE IN THE BOOK “GENIUS LOCI” BY ANATOLY KOROLEV

A. P. Toroptsev

*Literary Institute named after A.M. Gorky, Tverskoy Boulevard, 25, 123104, Moscow,
Russia, ruslit@bsu.by*

In the form of an appeal to the author, the book by Anatoly Korolev “Genius loci” is considered, which is a kind of “park, landscape history” of the Russian state. The impression made by the story is conveyed, its main intentions are revealed, and the spatial and temporal coordinates are characterized. Parallels are drawn with predecessors.

Key words: park; park art; scenery; story; philosophy of history.

Шоковая радость. (После прочтения первых 30 страниц)

Шоковая радость – так я называю свои чувства после каждой прочитанной строки Вашей работы.

Именно так: Вашей работы. Потому что мне не удалось определить жанр «Гения местности», может быть, в силу своей недо образованности. Просто повесть? – маловато будет. Эссе – еще меньше. А может быть, изукрашенный литературной вязью, художественный, но все же трактат, историологический трактат с научными прозрениями, зафиксированными, я не боюсь этого, поэтической строкой? А может быть, это – гимны, эпос? А может быть, это просто строка мудрого и талантливое человека?

Прочитав всего 30 страниц текста, я вдруг оробело вспомнил и «Ригведу», и «Махабхарату», и «Шицзин» ... и также робко я сказал себе: «Это, конечно же, ни то, ни другое, ни третье, это что-то очень свое,

индивидуальное, уникальное». Но не зря же мне причудились перечисленные и другие шедевры мировой словесной, в том числе и философской, культуры? Несмотря на то, что в людях, вообще в жизни, гораздо большего общего, чем частного, каждый человек, каждый кончик паутинки, тем не менее уникальны, каждый атом мироздания (да простят меня физики и химики, а уж тем более, философы) уникален. Уникален Анатолий Королёв несмотря на то, что в нем общего больше, чем частного.

С общим-то разобраться легко. Внутренняя заинтересованность в познании, а значит, и в понимании познанного, и, главное, в прочувствовании познанного.

Но с уникальным в Вашей строке разобраться куда сложнее. Как и с уникальностью любого Поэта, особенно поэта философствующего, особенно поэта осмысляющего историю человека и общества.

Именно так: после каждой строки. Здесь можно (лучше!) не говорить ничего этакiego умно-заумного, а просто цитировать и цитировать строки-образы, этакие туго сплетенные нити, каждый «виток» которых: мысль, образ, метафора, идея, судьбы, динамическое напряжение в каждой историологической картинке, да и пейзажной тоже. И фигуры из этой «пряжи», объемные и глубокие.

«Зеленый словарь»

Можно ли назвать эту главу экспозицией? А почему бы и нет?!

Обозначено место, а также огромный временной пласт. И голос, голос!

«Каждый поет свою песню, если у него есть голос. Когда я говорю, что писать учатся в Лувре, я не имею в виду, что нужно сцарапывать лак с картин, чтобы разгадать их секреты, и начать заново делать то, что делали Рубенс или Рафаэль. Нужно делать живопись своего времени. Но именно там, в музее, получаешь вкус к живописи, который одна природа не может дать», – писал О. Ренуар [7, с. 203].

И все это в «Зеленом словаре» есть. И читатель (впрочем, уже после первой страницы) понимает, что «голос» Анатолия Королёва уникальный, что от его строки остается в душе и оторопь (как же так можно срисовать те же пейзажи), и радость (говорю без намека на пафос).

И есть здесь намеки на интригу, этакое преддверие завязки. И щедрой, особенно по меркам нашего времени, строкой прописаны характеры героев и персонажей.

И есть здесь мальчик!

Но почему же восклицательный знак? – А потому что мальчик-то особенный, он из тех ранимых, которые способны легко замечать «незримое и тайное».

Почему трудно писать ребенка? Даже прикоснуться к нему двумя тремя строками в любом своем произведении?

Человек взрослеющий, а тем более взрослый человек, не способен взобраться на вершину детского незнания, которое представляет собой некое пространство сплошь «бесцветного» цвета, то есть суперпозицию всех знаний, пониманий и чувствований, то есть всех тайн жизни. Вполне возможно, что на этой вершине детского незнания царит та сама *пустота, которая есть все*, суть которой пытаются осмыслить величайшие умы уже, как минимум, 4-5 тыс. лет. Пока безрезультатно. Пустота намертво хранит свою Тайну, позволяя людям по мере их взросления открывать для себя лишь ее частицы. Познавая жизнь, человек медленно, но безальтернативно, спускается с вершины детского незнания и превращается в существо векторное. Потому что любое знание векторное. Только на вершине детского незнания человек свободен от пут земных знаний, пониманий, чувств. Эта свобода, однако, не позволяет ему осмыслить свое безмерное богатство, потому что мысль должна опираться на эти самые понимания, знания, чувствования. А их у него еще нет. Приобретая их, человек получает в дар и точки опоры, и этикие стержни, за которые можно держаться, на которые можно опираться в рассуждениях и формировать свое личностное, творческое «Я», а затем в человеке формируется этаким базовый фундамент, на котором он строит некое сооружение опять же из суперпозиции своих, уже познанных, значит векторных знаний, пониманий и даже чувств.

И только ребенок, еще не обремененный условностями (а то и догмами) познанного, и именно поэтому ранимый, способен вскрывать такие тайны жития и бытия, о которых взрослому человечеству даже не снилось.

И, мне кажется, что не вдруг, и не случайно Вы вспомнили «Демона» Пушкина! Потому что и его «Демон», и «Демон» Лермонтова, а еще и «Демон» Врубеля несут в себе то, что уже недоступно существу познавшему, то есть незримое и тайное, то есть из того мира, детского.

(Честное слово, я не придумываю ничего, я признаюсь в том, что это детское грезится после каждого пейзажа, после каждой новой сцены. Я бы так сказал: предчувствие чего-то рокового. От главы к главе. От судьбы к судьбе: вот-то случится непоправимое, вот-вот силы «Гения местности» иссякнут в противостоянии с родом человеков).

Но даже среди других детей Ваш ребенок особенный:

«Мальчик родился в день Вознесения, тем самым провидение предначертало ему насильственную смерть, воскресение из мертвых и приобщение к небу» [3, с. 9–10].

Вот еще почему я дал себе право называть «Зеленый словарь» экспозицией с элементами загадок и тайн, которые читатель и автор будут пусть и не обязательно разгадывать, но исследовать.

Поправка к Витрувию

Сначала поправка к Королёву, уж извините за вредность и не ругайте меня шибко.

«Наш Нью-Амстердам или Питер – всего лишь второй город за три тысячи лет после Ахетатона, построенный по приказу одного человека» [3, с. 35].

(Александрия – город, основанный в 332-331 до н. э. Александром Македонским. Плутарх приписывает Александру Македонскому основание более 70 городов. По мнению современных историков, не менее 60 из них являлись существовавшими ранее туземными. (Но ведь и на территории Санкт-Петербурга еще в 1300 г. шведы построили на Охтинском мысе крепость Ландскруну, или Ландскрону. Русские через год ей уничтожили, но уже в XIV в. здесь возникли поселения. В 1611 г. шведы построили здесь крепость Ниеншанц. Всего Александр Македонский основал 20 городов по своим именам. Кроме того, есть города, основанные им, но не носящие его имя, например: Кандагар (согласно, легенде), Герат, (основание приписывается Александру Македонскому, отсюда название в греческих источниках – Александрия-Ариана, или Александрия Арийская; современное название получил при Сасанидах. Чарикар, Худжанд, Уч, Изник, Джалалпур.

А Мохенджо-Даро! А др. город Индостана. А города Месопотамии и Малой Азии... Много было городов на Земном шаре)).

Я не уверен в том, что Вы обязаны были думать о сказанном в двойных скобках, и Вы куда образованнее меня, и знаете это лучше меня. В конце концов, не эти факты важны для «Гения местности», а история и философия метаморфоз на территории парка. И уж какой сильный абзац (они, впрочем, все сильные) о жизни Сонцева, может быть, не приметного, не шибко талантливого, но очень русского в неторопливости своей, в природном чувствовании все той же местности.

Есть люди деяния, есть люди наслаждения [4, 247] Но и «недеяние есть тоже деяние» (поэтому и говорится: «Высшая речь – без речей, высшее деяние – недеяние») [5, 27]. Есть талантливые, но слишком самоуверенные и деятельные. А есть талантливые ... в недеянии своем. Последних недалекие люди нередко талантливыми не считают. Слишком, мол, они осторожные – скорее всего, мол, из-за отсутствия таланта.

Но ведь еще и это, древнекитайское, копай, где глубже, насыпай, где выше. То есть, всматривайся, вслушивайся, вживайся в доверенный тебе клочок Природы.

Век женщины шел к триумфу

Действительно, то был век женщин на российском престоле. И женское правление в русском воплощении (демократический фаворитизм или фаворитская демократия) сыграло важную роль в том, чтобы победы русского оружия (Россия примыслила в те десятилетия громадные территории, больше всех других стран северного полушария – Век России), сопровождавшиеся притоком громадных богатств, не создали громадные и прочные пирамиды власти, что, в конце концов, могло привести уже в начале XIX в. к катастрофе следующего столетия.

Сегодня ты фаворит. Сегодня ты – выше всех, завтра – никто. Сегодня парк радует хозяев и гостей, завтра он чахнет в ожидании чуда, в ожидании своего часа, своего времени, новой волны времени, как написано у Вас гораздо позже.

Уж сколько всего сказано о Времени и временах. Так много и сильно, что ... волей-неволей хочется сказать что-то свое, пусть и невпопад.

Вы назвали свою работы «Гений местности». Но что такое «гений» для «местности»? На мой взгляд – это и Время, и времена, и Местность одновременно. Есть прекрасная земля не для жизни обыкновенной, но для изыска, на который имеет право любая душа. «Местность» и Время – единое целое. Но времена, эти заказчики всего, чем жив и жив будет человек, меняют по своему хотению нет, не человека, как некую субстанцию, но человека, как некоего одновременно потребителя нужного для его субстанционального покоя, и отражателя, даже отвергателя ненужного, вредного, пытающегося нарушить природу человека, ниспровергнуть итог «шестого дня творения». Но этими акцидентными уколами человека не изменишь.

Я часто повторяю древнекитайское «Земля корень всех существ, прекрасных и безобразных...» Еще и в этом кроется тайна любой местности, тайна ее гения. Но даже эти два гения – Земля и Время – не способны субстанционально изменить человека. В березе останется сущностное, березовое даже в тундре...

И даже гении, даже «гении местности» не способны отменить «человеческое слишком человеческое», то есть душу его, то есть «человечкино» в нем.

«Спросим еще раз, настойчивей, а хорошо ли быть ромбом? Не слишком ли быстро мы отказали ромбу в чувстве счастья? Ель, разумеется молчит...» [3, с. 32] и далее.

Ель-то молчит. Тем более в инвалидном ее ромбовидном состоянии. Но молчит она еще и потому, что нам не ведом «язык» не то, чтобы животных, но и разных елей. И опять на ум приходят древние индийцы («в каждой пылинке есть душа») и древние китайцы («даже кончик паутинки имеет разум»).

И почему-то, прочитав пока всего 30 страниц, я постоянно думаю о душе Вашего парка. Какая она? Может быть, это все-таки душа местности, на которой люди решили создать этаким оазис и тем самым изменить ее – душу местности? Но можно ли изменить душу Земли? А почему бы и нет? – Балканский полуостров жил-был от вторжения ахейцев и вплоть до Перикла, а лучше сказать до Деметрия Полиоркета, окутанный рощами. Была одна душа у земли, были одни существа «прекрасные и безобразные». Полуостров «побрили», в основном, любители повоевать, строители громадных боевых машин и приспособлений, а также кораблей (один из них достигал в длину, если верить Плутарху, 280 локтей! Это не одна роща, между прочим). Лес вырубил, земля обрела иное качество, и корень – тоже.

(Это и у Вас есть: «Если представить парк в виде единого психического поля, в виде мысленной воображаемой совести или мировой души, то ей были нанесены глубокие раны» [3, с. 45].

Жил-был кузнечик-старичок Антонио Кампорези, мял он, мял самую душу той местности своими парковыми изысками, устал, и уложили его в сосновый гроб. И заменил его «гезель» Осип Иванович Сонцев, «один из гнезда Еропкина». Вроде бы «малоталантливый и обыденный» он пошел от Природы, он дал ее волюшку, насколько это возможно в парковом искусстве.

И Ваш абзац («Сонцев приказал больше ели и липы не стричь...») и его завершие афоризмом Гегеля – это не просто констатация дела малоталантливого человека, это – пусть и небольшой, но емкий трактат для «Педагогики гениев», то есть для содружества в творческом диполе «Учитель – Ученик», в том числе и для семинаров в Литературном институте. (В сентябре, а то и раньше, я обязательно зачитаю эти страницы на семинаре).

И времена Осипа Сонцева прошли, а точнее сказать, времена старого графа Головина.

И новые хозяева стали на свой лад перестраивать парк.

И Женщина!

Я уже писал о том, что строкой Вы владеете свободно, причем, русской образной строкой. Из образа в образ. И каждый образ наполняет сверхзадачу все новыми и новыми, очень разными во всех отношениях линиями, конечно же, украшающими текст, но и добавляющими часто непростые мысли-краски в объем «парка».

Я часто ловил себя на мысли о том, что абзацы-то, следующие друг за другом, не просто водят читателя по «парку», выполняя общую композиционную задачу, но представляют собой ... вполне завершенные литературные, очень краткие, но емкие произведения: уже упомянутый трактат для «Педагогики гениев», или этот абзац: «Немка Софья

Фредерика...» и далее, который я называю завершенной миниатюрой, уж извините за смелость.

За этим абзацем следуют еще два, соединенных своей идеей, мыслью, которая, как и все другие накрепко связаны друг с другом.

«Психическое поле», душа парка живет себе и живет, а там, на вершинах власти, живет какой-то своей жизнью империя. Генерация государственной идеи (до коронации Екатерины I, как царицы и соправительницы в 1724 году), реализация (от Елизаветы до средней Екатерины II), накопление богатств (вторая половина правления «Великой», потребление (поздняя Екатерина II – Александр I). Эти следующие друг за другом из века в век этапы государственного строительства просто обязаны были отразиться на судьбе парка, на состоянии его «психического поля» или «души».

«Сумеречный парк глухо рокотал ... [3, с. 46] и далее. «Идеальный парк вокруг особняка... [3, с. 51] и далее. Этап потребления богатств, который часто сопровождается разором некогда роскошных «местностей» и страстным поиском новой государственной идеи.

Люди мечутся в поисках самих себя, а земля живет, и душе ее остается только ждать.

И вот пришла весна, обильная «теплом и солнцем, никогда еще так дружно и сильно не цвела липа» [3, с. 52].

Новая идея уже появилась, теплое солнце взошло.

А, значит, жди перемен и в парке.

Можно ли назвать главу «Поправка к Витрувию» этакой завязкой повести? – Наверное, можно. И даже дать обоснования этому решению можно.

Но я опять ловлю себя на мысли о том, что и эту главу можно считать завершенным произведением, скажем, под названием «Парк Восемнадцатого века».

Наступление галлицизмов

Я называю XVIII столетие Веком России по двум причинам. Впервые, Россия в те времена примыслила и закрепила за собой надолго земель больше всех других государств Земного шара. Во-вторых, Она все-таки больше занималась собой несмотря на то, что ей пришлось воевать и с Северным Александром Македонским, а также со шведами в конце века, и, основном, с османами, уже пережившими свое акме. И даже участие в Семилетней войне можно, да простят меня великие русские полководцы и воины, назвать «местечковым», своего рода проверкой на прочность. Да повоевали, да одержали много гениальных побед, в результате которых чуть

не рухнула Пруссия, но пользы-то материальной Россия от этих побед не получила никакой. И не по прихоти той же самой Екатерины II, а потому что не такой уж и сильной Россия была по сравнению с европейскими государствами с их барскими замашками и с их отношением к Восточному соседу, как к бедном родственнику. Особенно показательным в этом отношении явился вояж Бориса Петровича Шереметева, непризнанного гения Северной войны, в эту самую Западную Европу. Главной целью этой поездки являлось ... получение разрешения на войну с Карлом XII. Получили разрешение, но обязались, окончив войну со шведами, воевать с османами. Знайте, мол, свое место, вы там, в своем медвежьем логове.

И вдруг начинается противостояние с Наполеоном, носителем планетарных идей. А, значит, все, кто мешал ему осуществить эти (они очень сумасбродные) идеи, решали, хотели они того или нет, задачи земношарные.

Но результат был для всех участников неожиданным, может быть, и не связанным с делом Наполеона: политическая карта нашей планеты, начиная с созданием США (в начальный период своего существования США), стала дробиться (это особый разговор).

А на фоне этого дробления на севере Евразии крепла Российская империя, одна из победительниц в войне с беспокойным Корсиканцем. Уже только эта победа сделала Россию, говоря языком XX в., «мировым игроком». Дальше – больше. Но и это – тема другого разговора, других авторов.

Мне же эти четыре сумбурных абзаца нужны только для того, чтобы попытаться сопоставить мировые события, в решение которых ворвалась по казачьи дерзко Россия, и жизнь, и метаморфозы Ганнибалова парка. Вне его бушуют страсти роковые, а что здесь, на небольшом клочке ухоженной земли?

Коротко о дуэлях

Это даже не обычай в разных странах планеты, это – составляющая общественной и государственной жизни. Не здесь говорить о причинах и запредельно далекой истории этой составляющей. Но несмотря на уникальность любого рода, племени, народа, региона Земного шара, не смотря на всевозможные исторические метаморфозы и там, и здесь, дуэль существовала везде и всегда, какие бы запреты не налагались на дуэлянтов, какие бы меры не предпринимали ответственные руководители, дабы искоренить это зло. Даже придуманные людьми всевозможные спортивные состязания не помогли.

Удивительно! Почти все народы Евразии участвовали в создании (лучше сказать, в рождении) Образа настоящего рыцаря, которого трудно

себе представить без дуэлей. Рыцарства не было только в Великой степи, русской лесостепи, других территорий, входящих в Российское государство. Но дуэли и здесь практиковались сплошь и рядом. Всегда и везде! Даже в Двадцатом, суетном веке.

А тут Девятнадцатый век! Тут побежденная Франция, откуда быстро распространилось по России все галльское (в чем, конечно же, огромную роль сыграли не только офицеры русской армии, побывавшие во Франции, но и пленные воины армии Наполеона), тут галльская галантность, покорившая высший свет, даже дуэлянтов.

Истории с тремя несостоявшимися дуэлями Пушкина, на мой взгляд, дают очень точную социально-психологическую характеристику:

- тех лет,
- людей, которые находились в зыбком положении зарождающейся «русской интеллигенции XIX века» и ее главной составляющей – тоже зарождающихся «русских разночинцев XIX века». Кавычки и в том, и в другом случаях мне понадобились только потому, что, по-моему твердому убеждению, так называемая интеллигенция существовала, как минимум, со времен создания мифов, «Эпоса о Гильгамеше», египетской литературы, «Ригведы», Шицзин, Торы и далее по всему Земному шару, иначе эти шедевры просто некому было бы творить. А люди разных чинов и званий существовали еще во времена до неолитической революции, в противном случае ее просто некому было бы осуществлять.

Пушкина, как одного из родителей Образа «русского интеллигента XIX века».

И именно поэтому (я уж не говорю о Творчестве поэта) любой разговор о начале XIX в. нужно начинать с Пушкина.

Коротко о философии местности

На Земном шаре существуют территории, которые я, может быть, совсем не точно, называю «матками». Японские острова. Между Хуанхэ и Янцзы. Между Индом и Гангом. Межу Тигром и Евфратом, Восточная Европа с центром в Московской земле, центральные области Франции и т.д. Главной сущностью этих земель является практически абсолютная степень поглощаемости этой территорией всех, кто решался их завоевать. Примеров тому много.

Ганнибалов парк – вроде бы совсем крохотная территория, она не может родить народ, который будет поглощать всех пришельцев и проходимцев (в смысле проходных людей, временных), но вот что

удивительно, здесь на этой русской пересеченке, лесовой (а лес и стал прародителем всего русского), земля-то тоже является «маткой», то есть, говоря языком древних китайцев, корнем всех существ...

Да-да, она поддается на некоторое время влиянию разных любителей искорежить землю на свой лад, но проходит время, проходят мимо эти, пусть даже и талантливые люди, зарастают тропки дорожки (как метки прошедших времен), взлетают ввысь деревья и т. д. и приходят новые люди, и они, как и их предшественники не имеют ни права, ни возможности кардинально кроить-перекраивать Землю, даже малюсенький ее надел, то есть данный нам на дело, а не на бездумные галлицирования.

Земля и Время – это тема для великих джазистов: порождай на своем саксе любые выкрутасы, но не меняй Тему, украшай ее данными тебе в тот или иной момент, под то или иное настроение, откровениями и символами. Но не забывай о том, что сотворила Земля на территории Ганнибалова парка в течении многих и многих сотен миллионов лет.

Капитанская внучка

Зачем люди изобрели парковое искусство?

Затем, чтобы люди гуляли по дорожкам и тропкам парков, любовались созданной человеком, но все-таки природной красотой, влюблялись, в конце концов. Естественно, те кому выпадет такая удача – влюбляться в парках.

И конечно же, все устроители этих оазисов любви искренне, до неистовости верили в то, что в их-то парке любовь будет такой красивой и счастливой, как их детища. В подавляющем большинстве это были люди-мечтатели, добрые при том. Но мечты их сбывались чрезвычайно редко. Любовь зла. И даже лучшие парки Земного шара не способны это качество, пусть и не единственное у любви, искоренить. Но гении парков не верят в это, и правильно делают. Надо дать влюбленным шанс, а уж как они воспользуются им...

«Капитанская внучка» – это, на мой взгляд, чисто девятнадцативековый роман, изложенный лаконичной (но не краткой и сухой, вот, что важно) строкой, и только лаконичностью отличающийся от романного искусства Золотого века, в котором у авторов было время писать размашисто, ветвисто, скрупулезно, а основным читателям – спокойно, не торопясь, вкушать это словесное золото. Я часто повторяю (извините меня за то, что так много в этой работе «я»): мысль не нуждается в многословии в то время, как многословие часто нуждается в мыслях. Кто-то может мне возразить: мол, частые и часто пространные пейзажные (парковые) в «Гении местности» картины, написанные живописными, густыми и одновременно прозрачными мазками, никак нельзя назвать лаконичными. Для опровержения этого возражения нужно лишь вспомнить не только о местности, полюбившейся Вам как крупному художнику, но и об огромном

временном интервале, исследованном Вами на фоне жизни этого парка. 300 лет! И всего-то 9 авторских листов. И кажущаяся неспешность живописания парка покажется лаконичнее произведений даже самых яростных сторонников Спарты.

Пейзажные страницы! Да в каждой главе, да одной местности! Дада. Но возьмите (это я говорю всем тем, кто не согласится с мыслью о лаконичности вашей повести) разместите все пейзажные картины «Гения местности» в хронологическом порядке (то есть от главы к главе) и озаглавьте каждую из них временными интервалами, в которых происходили те или иные метаморфозы в жизни людей парка и в жизни людей страны, и Вы увидите (Вы-то, конечно же, это все видите) потрясающую «пейзажную историю» не только парка и его окрестности но и страны в целом.

Повторюсь – пейзажную историю. Честно признаюсь, что таковых примеров в мировой словесности я не знаю.

Вы об этом написали в начале следующей главы, от: «Если бегло бросить взгляд на всю историю отечественного парка, то мы легко заметим, что пейзажные стили находятся в прямом соответствии с манерой править» [3, с. 97] до «Вернувшись с отцом в Россию...» [3, с. 108]

Есть и еще одно для меня важное качество Вашей «Капитанской внучки». Она написана «от жизни», о жизни, и может быть, именно поэтому роман-глава имеет два счастливых финала. Жизнь все-таки тотально несчастной не может быть по задумке. И об этом, каким бы Золотым тот век не был, почему-то забывали наши гении пера, да и кисти тоже за редкими-редкими исключениями (некоторые произведения Лескова и потрясающей силы духа Кустодиев...). Недаром в XX веке появилась шутка о том, что орден Октябрьской революции под номером «1» нужно было присудить русской литературе за подготовку этого действия, за гениальные разработки типажей разных «злоумышленников. А Николаю II – второй орден той же самой революции за те же самые дела.

Но Вы фиксировали художественной строкой жизнь, а ее предавать нельзя. Ее мудрой множественностью можно только восхищаться. И радоваться тому, что она такая: хоть и грустная порой, но с огромной тягой к прекрасному, то есть к себе самой, к жизни.

Финал этой главы вводит читателя, во-первых, в очередной «Этап потребления», который начался в 1880-годы, а во-вторых, намекает на перетряску в стране, такую мощную перетряску, после которой эпику сменила «бойкая орава осколков».

Вид на идеал

Существует такой термин синь (Китай), читта (санскрит), кокоро (средневековая Япония), то есть – душа, сердце, разум; ментальный орган – центр психической деятельности; сердцевина каждой вещи. (Отсюда кокородзукэ – «единство духа», и котодама – «душа слов», магия, чудесная сила слова).

Триединство творческой сущности. Но у одного человека, в нашем случае писателя, чуть больше разума, у другого – сердца, у третьего – души.

Эссеистика Монтеня – чуть больше разума, во фрагментах работы Гельвеция «Об уме» – чуть больше сердца. В строках Есенина больше души... В Ваших пейзажах чуть больше души, в «Капитанской внучке» и в других фрагментах с людьми-героями – чуть больше сердца, в историологических размышлениях – чуть больше разума.

Чуть больше! Это важнейшее Ваше творческое качество, которое позволяет Вам находить плавные, не шокирующие читателя линии сопряжения от одной темы к другой, от одной картины к следующей, от, уж простите, от одного вида эссе – к другому, и далее – к рассказу, и опять к эссе.

Между прочим, можно и так. В центре – суть «Гения местности», его идеал. Оттуда эманерируют не враждующ друг с другом, но подчиняясь Идее, разные лучи, которые высвечиваются на поверхности шара разнохарактерными, разноцветными картинами, завершенными, вот что важно и интересно, и одновременно – составляющими общую картину. Конечно же, можно было ограничиться кругом, но в шаре, но в сфере есть объем.

Восход звезд

Времена потребителей рубежа XIX–XX вв. в Аннибаловом парке принципиально мало чем отличались от тех же времен столетней давности. Потребительство – как вирус, как зараза, как «испанка», как «ковид». Как «пир во время чумы». Как русла рек, меняющие линии, в результате чего одним все, другим ничего. А в русской истории это еще и драп.

И да – восход звезд.

Звезды-то всходили на житейский небосклон после любых мощных социально-политических катаклизмов, даже неудачных для тех, кто был совсем недавно на гребне волны. Хотя бы потому, что вызваны были все эти передраги, часто кровавые, объективными причинами, а не прихотями беспокойных людей, этого русского «мелколюдья», запредельно спокойного до поры до времени, но с этим упрямым «не замай», своего рода миной замедленного действия.

У курдских народов есть такая поговорка «Кто сделал, а кому досталось». А китайцы еще в середине Первого тысячелетия до н.э. советовали во времена смуты не высовываться. Вроде бы все ясно: сиди дома, делай свое дело, проживешь дольше и в спокойном режиме. Но это русское «не замай!» Но научно-технический прогресс и промышленная революция просто не могли не впитать в свои бурные потоки это самое мелколюдьё, что явилось причиной явления на свет «русских разночинцев XIX века» – главным, я уверен, двигателем событий 1905–1922 годов в Российской империи.

Это «мелколюдное разночинье» и одержало в конце концов победу. Нет-нет, ничего принципиально нового для мировой истории в те годы не произошло. Было все, было.

Принципиально новым для всех Цивилизационных центров Земного шара было в XX в. мощнейшее ускорение во всех сферах деятельности человека, общества-государства, причем на крутом социальнополитическом вираже, который начался, повторюсь, извините, потерей Великобританией громадных территорий в Новом свете и созданием США.

Двадцатый век – это проверка на прочность Дела Шестого Дня. «О чем шумел в те годы парк?»

Может быть о нарастающем сумасбродстве и смятении в мелколюдьё (и не только): секты и ереси, с ними и разные партии, не пойми какие, появлялись сначала XX в., как мухоморы.

И в результате всей этой бестолково активной сумятицы появился в парке Володя Король.

А может быть, парк шумел беспокойным шумом, намекая на более разрушительные силы, быстро растущие в российском обществе? Нетнет, я этого в тексте не увидел, хотя чувство тревоги меня уже не отпускало. Вполне возможно, что причиной тому были знания.

Вашему парку, может быть, и повезло. Главные потоки «великого урагана», несущие кому-то смерть, кому-то жизнь, не смелИ, не уничтожили его. Повезло. Устоял, отдыхая от прихотей людских.

А тут и 16 лет пробежало после Революции. И вновь вернулись люди в парк.

И вдруг приключилась здесь история с Балабашовым и Алиной Юдиной.

Этот рассказ, именно рассказ, а не эссе, особенно его пейзажное завершие, два последних абзаца этой истории («Гортензия, растущая на дне невидимой могилы, зачахла; осыпались белые душистые глаза, почернели и скукожились когда-то глянцевиные ветки». И «Остался и след от рокового брезента, на квадратном ожоге выросли сотни мелких зеленых крестов барвинока, да кое-где поднялись страшные стебли вороньего глаза,

увенчанные одинокими черными ягодами» [3, с. 132–133]. По историологической сути и силе равноценен рассказу Бориса Пильняка «Без названия», начинающийся так: «...Очень трудно убить человека, – но гораздо труднее пройти через смерть: так указала биология природы человека» [6, с. 3].

У Вас шире и глубже: так указала Природа, «венцом творения» которой является человек, и которая «каждой пылинкой», «каждым кончиком паутинки», каждым цветком в любом доме, в любом, пусть и крохотном «пятачком земли», в Вашем парке не может не реагировать на смерть.

Реагирует молча, часто чахнет и умирает не в силах выдержать этот страшный путь – «через смерть». Умер человек – умирают его любимые цветы на подоконнике. Знамо-ведомо с давних пор. Да и прожитоиспытано на собственном опыте.

А тут человек убивает женщину, свою комсомольскую любовь десятилетней давности, свою первую женщину. И если бы подобный случай был единичным! Господь Бог создал Адама и Еву и разрешил им «согрешить», чтобы продолжать жизнь человеческую, дар Свой. А он, человек, человечешко, убивает, да не просто себе подобного, но женщину – взвоешь от тоски, безысходной.

Но жизнь сильнее любого воя, любой тоски.

И «новые идеалы сделали парк раем товарищей» [3, с. 133].

И далее прекрасная социально-психологическая и даже социальнопсихическая разработка, говоря Вашим языком, «гениев местности», породивших два характера: Германии и России. И приговор: «Столкновение двух государств, двух эстетик было неизбежным».

Уважаемый Анатолий Васильевич, простите меня и за нижеследующую «отменятину»! Но когда-то, работая над книгой «Лесков и Ницше. Сравнительное описание двух параллельных творческих миров» я рискнул дать и такое сравнение:

Московская империя

Территория, на которой была создана Российская (лучше сказать – Московская) империя, принципиально отличается от Западной Европы, Малой Азии, Передней Азии, Центральной Азии, Поднебесной, как и от других, не соседствующих с ней цивилизационных центров Земного шара тем, что:

«1. Она не породила ни одной мировой монорелигии и ни одного сколько-нибудь значительного ответвления монорелигии;

2. Она не породила ни одного пророка;

3. Она не стала почвой ни для одного религиозного братства, ордена;

4. Она не санкционировала ни одного Крестового похода, ни одной религиозной (Священной) войны;

5. Несмотря на это, Российское пространство, по общему признанию специалистов, являлось оплотом Православной веры московского толка, ортодоксального и, тем не менее, мирного» [10, с. 7–8]

6. Одним из важных качеств русской души является ее «неспешность», и ярким тому свидетельством является история первопроходцев России, или «ток русских на Восток» и результат это мирового значения действия, продолжающего уже тысячу лет.

Западная Европа

Западноевропейское пространство принципиально отличается тем, что:

«1. Оно не склонно в силу объективных причин, в том числе и географических особенностей, к рождению прочной в пространственновременном поле державы имперского типа. Иллюстрируя это утверждение, можно вспомнить агонизирующие попытки Римской империи прибрать к рукам всю Западную Европу и печальный результат этого страстного желания; столь же неудачную попытку Карла Великого создать империю; а также многовековые потуги императоров «Священной Римской империи», пытавшихся сшить не сшиваемое; мытарства Габсбургов, фиаско Наполеона; совсем уж безумный взрыв немецкой нации, лидерам которой в XX веке показалось, что они могут создать в Старом Свете Германскую империю.

Мозаичность Западноевропейского пространства определило и все остальные особенности этого региона Земного шара.

2. Обитатели Западной Европы склонны к дроблению любых идей: государственных, религиозных, морально-этических, эстетических;

3. Эта склонность, в свою очередь, явилась одной из причин а) мощного разветвления Католической церкви, б) рождения всевозможных орденов и сект, в) формирования у подавляющего большинства населения этого региона психологического состояния, которое легко воспринимает очередного пророчествующего, а то и пророка, а то и духовного обновленца, Учителя, создателя очередной религиозной идеи или оголтелого вояку...» [10, с. 9].

Столкновения между этими мирами неизбежны. Столкновения начались, как минимум, с готов, и продолжаются они по сей день.

(Готы. IV в.

Вариант верингов, варягов. IX в.

Попытки Тевтонского ордена и шведов. XIII в. (О Ландскруне я уже говорил). Польша, Великое княжество Литовское. С XIV в. Речь Посполитая. 1569-1795). Смута XVI-XVII вв.

Относительное затишье в XVII в., вызванное разными внутренними причинами и сильной Османской империей, давившей на Западную Европу со Средиземного моря и с Балканского полуострова.

Карл XII. Начало XVIII в.

Относительное затишье в середине XVIII в., на которое повлияли, в том числе, и победы русских армий в Семилетней войне. Побеждать-то они побеждали, но Россия за эти подвиги ничего не получила.

Наполеон.

Крымская война.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. О ней, конечно же, можно было не говорить. Если бы не воля Бисмарка, который не могу допустить захват русскими Стамбула и несказанного усиления Восточной Европы. (Армия Скобелева находилась от столицы Османской империи на расстоянии двух-трехдневных переходов. Остановить русских янычары были не в силах).

Первая мировая война.

Вторая мировая война.

Холодная война.

Казалось бы, западноевропейские воинствующие политики исчерпали все средства борьбы с Россией, в надежде овладеть ею. Но нет. Они нашли новый способ – украинский вариант).

Да, Вы правы: «В этой войне, в частности, нужно было найти ответ на вопрос: удалось ли создать нового человека с помощью политических средств?» [3, с. 137].

Но если вдруг мои характеристики Восточной Европы и Западной Европы верны, то можно сделать и такой вывод: «Каждые 80-120 лет «гении этих территорий» формируют в чем-то важном принципиально разные два, неспособные ужиться между собой народа. Они просто обязаны воевать до ... мирных обнимашек. И, даже если бы в Московской империи в XX веке правили Романовы либо другая имперская семья, войны избежать не удалось бы».

А «новый человек» - что это такое? Кто или что его формирует: гении местности и гении Времени. А «местности» у нас принципиально разные... Нет-нет, нам не ужиться никогда. Нам, понимая это, нужно находить способы существования наших «гениев» с их «гениями».

Но это – мои, вполне возможно принципиально неверные выводы.

В любом случае, Ваши характеристики блистательные, объемные, глубинные, написанные не просто социальным философом, но – художником. И не случайно мне постоянно вспоминались философы-поэты VIII – III вв. до н.э.

Фауст и Феникс

На мой взгляд, это самая напряженная и в напряженности своей самая философская глава повести (а, может быть, все-таки романа?). Я бы еще и так сказал: в безысходной напряженности, и это мнение я попытаюсь обосновать чуть позже.

Сначала о композиции. Можно ли назвать эту главу кульминацией «Гения местности», коль скоро я назвал ее самой напряженной? А почему бы и нет?

Да, каждая глава в Вашем произведении имеет свою кульминацию. «Парк переливался волнами времени» [3, с. 146]. А в каждой волне есть и начало взлета, и взлет, и ниспадание, и несчастные барашки, безвольные, бесправные, и разве что художникам, да детям нужные.

От волны к волне, в общей, нарастающей Волне, взлетевшей на вершину гребня именно в этой главе. Потому что – война. А война, да такая – мировая, для Земного шара Вселенская – это и есть апофеоз того, что мы привыкли называть политикой. Не «продолжении политики иными средствами», а итог этой самой политики.

Итог! Политику осуществляют высшие мира сего. А итог подводит мелколюды. В окопах.

Именно об этом я подумал, прочитав историю о Дитрихе Хагенштреме. Сильным оказался человек. Сильным немцем. «Немец инстинктивно не признает чужого превосходства (Т. Манн), но даже тайный знак равенства тяготит его душу» [3, с. 143]. А здесь, в могучей, живучей силище Аннибалова парка баварский лесничий увидел даже не равенство, но превосходство. И, мне почему-то кажется, что не только это инстинктивное непризнание привело его к само расстрелу, но и нечто большее, то, чем богат немецкий народ. А ведь богат! Не великими полководцами и воинами (это есть, куда ж немцам без этого), но великими деятелями литературы, философии, архитектуры и искусства, которых рожала немецкая земля.

Хагенштрем, видимо, чувствовал это...

Нельзя не сказать еще и о том, что этот рассказ сценичен. Размашистый сериал ему противопоставлен, но нормальный художественный фильм получился бы сильным, как, впрочем, и другой рассказ – об Аннибаловом треугольнике времен ВОВ.

Чем понравился мне военный сюжет? Во-первых, нормальным отношением к своим героям – сильным людям. «Патриотам», говоря языком Н. С. Лескова, «человечкиного», человечкиной души. Ни заламываний рук, ни постоянного рева, ни пустопорожней болтовни, ни бесконечного целования... из чего шьются бесконечные сериалы. Есть Война, Есть Любовь, любовь на троих. Есть то отношение к жизни, которое многим писателям-спекулянтам не нравится, но которое движет многих из нас по

жизни, «такой не простой». Есть заложенное в нас стремление к высшей справедливости. «Справедливость вечна, и плоды ее не гибнут». Но как же трудно жить-то, по справедливости, особенно, в любовных треугольниках, особенно таким, как Ваши герои!

Гильдяев – предтеча смерти, если вообще можно убить гения, тем более гения местности, тем более – гения Аннибалова парка, как и других земель руссколесья. Это все-таки не Балканы, с каменистым основанием и с не глубокой почвой. Лес «побрили» - ветер и погнал почву в море. И почти согнал.

А здесь жизнь дающая почва углубилась на метр, а то и на полтора. Здесь даже самые гениальные разгильдяи не способны ... нет, не просто лес порубить на разные безделушки, но почву во всю ее живительную глубину вывести на какие-нибудь Балканы. Сколько уж раз тайга горела, но ведь встает, поднимается, пусть и не быстро по человеческим-то меркам. А ведь почти вся таежная мать-сыра-земля покоится на вечной мерзлоте.

А здесь-то, под градом Петра, совсем другое дело. Здесь «Гений местности» поселился задолго до времен Адама и Евы и поселился навсегда. Если, конечно же, разные разгильдяи не придумают суперсредство уничтожения таких земель. А ведь могут.

Красота! (по возможности совсем коротко)

Ах, если бы ее можно было просчитать, то есть написать единую, всему человечеству (даже тем же разгильдиям) понятную формулу. Нет, нельзя.

Человек многогранен, как шар, то есть бесконечно многогранен. Но, как это не покажется странным, жизнь... бесконечно многограннее даже человека хотя бы потому, что жизнь старше человека на несколько «дней».

Сколько народов породила Земля и ее Гении! И у всех красота разная. Более того, даже у разных «колен» любого народа «Гении местности» меняют красоту. Вроде бы коренное у каждого народа свое, то есть язык, и мышление одинаковое, но у поморов одни «лекалы» красоты внешней и внутренней, у лесовиков – другие, у степняков – третьи и т.д. Индийские красавицы-апсары, китайские танцовщицы, или, например, бразильские девчонки штата Пара, города Порту-Сегуру, поразившие мир ламбадой... Кто им даровал этот танец? Тот, кому Вы дали имя «Гений местности». Всего около 150 тыс. человек в городе. А значит, девчонок самых разных возрастов, способных именно так вихлясто владеть своим телом, не более 80 тысяч. Красота! Не подвластная девчонкам ни одной, даже самой танцующей в мире местности Земного шара, ни одному ее гению.

Где-то я читал, что только Анна Павлова могла душой проникнуть и телом передать красоту танцев народов мира, которые она посетила. Ну уж это Анна Павлова. Вполне возможно, что и Майя Плисецкая могла бы взобраться на эту вершину. Эх, видел я, работая в Останкино, как она

готовила танец «Болеро» Равеля в студии АСБ-10! То было чудо душой рождаемой пластики. Раз пять-шесть, в ночные смены, мне удавалось подсмотреть это чудо, эту красоту. Запретили номер, уничтожили бобину с записью. Не красота, мол, это.

Нет, красота. Которая по задумке величайших из людей должна спасать и в конце концов спасти мир. Не спасает! Потому что, повторяю, у каждого народа, даже племени, даже рода, даже семьи свои понятия о красоте, и многие из людей (особенно, из потомственных разгильдяев) всегда готовы с оружием в руках не просто отстаивать свое право на эти понятия, но ... уничтожать не согласных с ними.

Вот в чем беда-то наша, всечеловеческая. Не хотим мы, люди, признавать то, о чем еще Гераклит говорил: «Гераклит считает признаком мудрости «внимать» логосу бытия и призывает согласиться, что «все едино» (В 50). [2, с. 59]. (Почему-то Гераклита со слов Аристотеля называют «Мрачным», «Темным», но мне кажется, что он был и Светлым, и Ясным, но поэтом! «Кто хочет покорять устами, пусть сохраняет несвязанность!» [8, 188-189]. Великий грек в своих изречениях именно несвязанностью и покорял. Как, впрочем, и не менее великий Сократ: попробуй-ка проникни в причинно-следственные нити его диалогов, его майевтики, то есть родов души! Гераклит вынужден был удалиться из родного Эфеса, Сократ махнул бокал с цикутой. Конфуция с его теорией «красоты» (он ведь ее считал красивой, потому что верной!) никто из ванов не принял даже на должность советника. Лао-цзы покинул людей и т.д. вплоть до наших дней. И такое происходило не только с философами, но и с представителями всех искусств и литературы во все времена. Великие люди только тем и занимались, что поисками красоты, находили-таки Ее, а их ... О, Господи, да что же это за красота такая, вроде бы единая для всех, а значит, этим своим качеством, способная спасти мир! То есть объединить мир? Но объединить его нельзя.

Все едино. Но бесконечно множественно. В том числе и красота. Но даже если мы смиримся с тем, что «все едино», понятия красоты у каждого из нас останется своим. И за него мы готовы пойти на любые жертвы.

Красота! И «борьба добра со злом». И это – совсем не верное «жизнь есть единство и борьба противоположностей». И «Мир шарообразен, как глаз вращаться должен он/ Замкнул его закон времен в орбите круговой» [9, с. 33]. (Впрочем, об этом говорили, задолго до него, тот же Зенон из Китиона (ок. 333–262 гг. до н.э.), например). Но в шаре нет противоположностей! Есть центр, то есть бесконечно малая, в которой сокрыта сущность шара, в нашем случае, сущность Жизни, есть эманулирующие из центра лучи и лучики – пространственно-временные метки Жизни, есть поверхность Шара, то есть видимая даже людским зрением Красота Жизни.

Все. В этом Шаре нет места противоположностям. Есть только Красота, которой вроде бы и не с кем, и не с чем бороться, кого-то побеждать, уничтожая частицы всеобщей Красоты.

Вроде бы так?

Нет. Боремся, существуя, и существуем в борьбе, часто при этом забывая о том, что итогом этой борьбы каких-то там надуманных добра и зла является разрушение гармонии сосуществования живого и неживого миров.

Конечно же, Вашему «Гению местности» нет ни желания, ни времени читать предыдущие строки о Красоте, которая якобы спасает мир, а то и спасет его. У него других дел много. Он обязан поддерживать дарованную Всевышним или Природой гармонию на территории Аннибалова парка.

Красота в гармонии, а не гармония в красоте. И человек, побродивший по Земле и равнодушный к Природе, осознает Красоту именно как Гармонию. Это очень хорошо передано в средневековой китайской графике. Крутые скалы, на них деревца, под ними река – и все это природной силой и мощью дышит. Но приглядевшись, зритель увидит крохотного человека, бредущего с котомкой через плечо по такому же крохотному мостику где-нибудь слева-справа от центра этого глыбастого пейзажа, и вдруг все, окружающее человека (Человека) предстает совсем в другом виде. Вдруг понимаешь, какой он, человек, малюсенький, и какой он, мир, огромный. И какая царит вокруг человека гармония.

И мне посчастливилось вживую наслаждаться этой Гармонией нетронутых человеком земель...

И Ваш «Гений местности», уж простите, за «технизмы», запрограммирован создавать и воссоздавать Гармонию местности аннибалова парка.

Красавица и чудовище Авангард Молокоедов

Много «новых людей», в том числе и разных разгильдяев, и разгильдяйство, «Гений местности» победил. Земля осталась, земля жила, земля страдала, земля продолжала, как и всегда ранее воссоздавать Гармонию.

Но пришло время сразиться с головотяпством недо образованных авантюристов, то есть с Молокоедовым. Да, они существовали всегда и везде. Такая уж это порода людей. Такой уж у них разгильдяйский «Гений». И, конечно же, они жили-были и в нашем государстве. И в лачугах, и во дворцах, чего уж скромничать.

Но никогда ранее разгильдяям и прочим головотяпам не было такого раздолья на Руси. «Кто был никем, то стал вдруг всем». Ну это было ладно, этого требовал XX век, об этом не подумали те, кто вел Россию веком ранее.

«Никем» - объяснимо. «Ничем» - совсем плохо. Кто был ничем, тот таковым и должен был остаться. Но нет, «Бывалых» в те времена было пруд пруди.

И, Вы знаете, с грустью читал я эту главу. Даже не из-за истории с Малокоедовым, с ним бы «Гений местности» как-нибудь да справился. Но было предчувствие чего-то совсем страшного, способного сокрушить любого гения.

И этим страшным – цементной пылью – заканчивается «Гений местности» ...

Конечно же, совсем грустно.

Конечно же, хочется «новой волны времени».

И почему-то очень хочется, чтобы Аннибалов парк справится и с «Тяжкой манной», и с другими превратностями очередного века.

Но многоточия!

Что там, между ними, в них?

В результате прихотей цивилизационного дурмана погибло много чудных местностей. В Подмоскowie случай был. Тянули люди очень нужную автостраду через березовую рощу. Прорубили просеку, сделали все, как полагается. А через два года позвонил мне местный дачник и, как бы между делом, сказал: «Представляешь, справа-слева от автострады метров на сто, а то и больше, береза засохла. Торчат черные ветки...»

Прошло уж лет 30, и не был я в тех краях, где когда-то мы устраивали шашлычные посиделки, и не знаю, смог ли «Гений» той местности восстановить нарушенный, конечно же, не специально, водный баланс, а лучше сказать, подводный мир, дававший жизнь той роще.

С цементным заводиком ваш «Гений местности» справится. А, может быть, и нет, если превратится он в гигантский строительный комбинат.

Цивилизационный дурман.

Библиографические ссылки

1. Гераклит Эфесский: всё наследие / на языках оригинала и в рус. пер. М., 2012.
2. Кессиди Ф. Гераклит. СПб., 2004.
3. Королев А. В. «Genius loci» (Гений местности). Повесть-эссе. М. : Арсисдизайн (ArsisBooks), 2011.
4. Кундакунда. Панчастикая-сара (суть учения о пяти протяженных субстанциях // Железнов Н. А. Учение Кундакунды в философско-религиозной традиции джайнизма. М., 2005.
5. Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. СПб., 1994.

6. *Пильняк Б. А.* Повесть непогашенной луны: Рассказы. Повести. Роман. М., 1990.
7. *Ренуар О.* Из бесед, записанных художником Альбером Андре // Мастера искусств об искусстве: в 4 т. М.–Л., 1939.
8. Ригведа. Мандалы I–IV. Т. I. М., 1999.
9. *Рудаки Абу Абдулло.* О старости // Лирика. СПб, 2011.
10. *Торопцев А. П.* Лесков и Ницше. Сравнительное описание двух параллельных творческих миров. М., 2010.